

**Код
песчаного
сердца**

Геннадий Соколовский

Геннадий Соколовский
Код песчаного сердца

«Автор»

2026

Соколовский Г.

Код песчаного сердца / Г. Соколовский — «Автор», 2026

Год 2247. Человечество живёт под идеальным Куполом — миром без боли, страданий и хаоса. Память здесь очищают от «шума», эмоции регулируют, а смерть давно стала просто сбоем в системе. Лира Соль — Мнемоник, стершая тысячи чужих жизней. Но однажды в её терминале материализуется неопознанный фрагмент, несущий в себе слово, которое система запретила: Шуньтэн. Мгновенная боль. Крик. Голос Земли, которую сто лет назад бросили умирать за стенами Купола. Заподозренная в ереси, Лира бежит в Пустошь — туда, где ковыль помнит кровь, а выжженная земля всё ещё зовёт своих детей. Там она узнаёт правду: Купол — не спасение, а тюрьма с идеальной вентиляцией. Архитектор, создавший эту систему, сам слышит голос Пустоши и молчит уже сто лет. Чтобы спасти учителя, обречённый на полную очистку, Лира должна вернуться и бросить вызов Ядру. Её оружие — не взрывчатка и не код, а самая запрещённая в Куполе сила: способность чувствовать чужую боль. Роман в жанре философской антиутопии

© Соколовский Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
ЭПИГРАФ	6
ПРОЛОГ. НЕНУЛЕВОЙ СЛЕД	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
ГОЛОГРАММА БЕЗ ТЕНИ	8
Глава 1. МНЕМОНИК	8
Глава 2. ОТСТУПНИК	13
Глава 3. ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Геннадий Соколовский

Код песчаного сердца

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тем, кого стёрли, но не смогли забыть.

И тем, кто помнит – даже когда некому слушать.

ЭПИГРАФ

Пыль знает, откуда пришла.

Земля помнит, куда ушли.

Боль – только способ не потерять друг друга в пути.
– Из записей Чжана Вэймина, 2194 г.

(фрагмент, восстановлен из Эха)

ПРОЛОГ. НЕНУЛЕВОЙ СЛЕД

Архивная запись. Уровень допуска: Архитектор.

Дата: Цикл 12.847, час тишины.

– Ты чувствуешь это?

Вопрос повис в белом безэховом пространстве, где даже звук тонул, не родив эха. Архитектор Вэй не обернулся. Его лицо, гладкое и безвозрастное, как у всех, кто провел в Куполе больше ста лет, отражалось в голографической панели, и отражение это не имело зрачков – только две идеально круглые, сияющие ровным золотом сферы.

За его спиной, скрестив руки, стоял Мнемоник третьего ранга. Он нервничал – пульс на шее выдавал частоту восемьдесят восемь, на три удара выше нормы.

– Ваше Совершенство, – начал Мнемоник, – сканеры фиксируют аномалию уже седьмой цикл. Она не поддается классификации. Мы пробовали присвоить ей индекс из основного корпуса – один–сто сорок четыре. Ни одно описание не совпало.

– Покажи.

Мнемоник вздрогнул и активировал проекцию.

В центре комнаты возникла сфера – уменьшенная копия той, что удерживала атмосферу в четырнадцати секторах, но эта была не синей, не золотой. Она пульсировала грязно-белым, и в каждой пульсации проступала тонкая, почти невидимая трещина.

– Мы назвали его Ненулевой След, – голос Мнемоника сел. – Временная метка отсутствует. Источник эмиссии – не наша сеть. Мы полагали, это остаточный шум от Распада, но...

– Но?

– Оно растет.

Вэй медленно повернулся. Золотые сферы его глаз сузились до щелей – единственный признак эмоции, который он позволял себе за последние сорок лет.

– Что оно несет?

Мнемоник сглотнул. Пульс достиг девяноста двух.

– Мы не можем декодировать полный спектр. Но первичный анализ дал одно слово. Оно повторяется.

– Какое?

Мнемоник открыл рот. Звук, который он издал, был нечленораздельным – гортань свело спазмом, не поддающимся контролю имплантов.

– Произнеси.

– Шуньтэн, – выдохнул Мнемоник.

В комнате погас свет.

Не отключился – именно погас, словно сама идея освещения была на мгновение аннулирована. Системы безопасности не зафиксировали сбоя. Резервные генераторы молчали.

А затем свет вернулся.

Ненулевой След исчез с проекции. Но Вэй знал: он никуда не делся. Он просто переместился.

– Усильте наблюдение, – сказал Архитектор. – И найдите мне Мнемоинженера, который не боится грязной работы.

– Есть такая? – спросил Мнемоник, всё еще пытаюсь восстановить дыхание.

Вэй посмотрел на свои руки. На тыльной стороне ладони, там, где кожа была тоньше всего, проступила едва заметная голубоватая вена.

Он не видел ее раньше.

– Будет, – сказал он.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОЛОГРАММА БЕЗ ТЕНИ

Глава 1. МНЕМОНИК

Станция «Родословная» висела на орбите мертвой луны, которую никто уже не помнил как называть. Тринадцать терраформированных уровней уходили вглубь скальной породы, и на самом нижнем, тринадцатом, куда не проникал даже рассеянный свет газовых гигантов, работала Лира Соль.

Здесь было холоднее, чем на верхних ярусах. Вентиляция гнала отработанный воздух вниз, к фильтрам, и металлические стены капсулы никогда не прогревались выше пятнадцати градусов. Лира привыкла. Она почти не замечала, как немеют пальцы после четвертого часа непрерывной работы, – разве что перед сменой растирала ладони друг о друга, пока кожа не начинала гореть.

Ей было двадцать семь лет по биологическому счетчику. В Куполе это считалось молодостью, почти детством, но ее допустили к архивам третьего уровня – редкое исключение. Говорили, Архитектор Вэй лично подписал допуск, но Лира в это не верила. Архитектор не занимался такими мелочами.

Она поймала свое отражение в погасшем экране терминала и замерла на секунду. Темные волосы, стянутые в низкий узел на затылке, – так не мешают, когда работаешь с проекциями. Бледная кожа, подсвеченная голубым от работающих имплантов у виска. Глаза. Их цвет она помнила плохо – зеркала на станции были только в санитарных блоках, и она редко туда заглядывала. Кажется, серые. Или светло-карие? Она коснулась пальцем скулы, провела по линии челюсти. Обычное лицо. Таких лиц тысячи под Куполом.

– Входящая запись, – объявил ассистент. – *Категория: S-7. Приоритет: стандартный.*

Лира моргнула, отворачиваясь от экрана.

– Принять.

Перед ней, медленно вращаясь, парила проекция: мужчина лет сорока, темные волосы, запавшие глаза. Дата смерти: 2117 год до Основания Купола. Причина: не установлена. Категория аномалии: S-7 – эмоциональный выброс, не поддающийся реконструкции.

Она смотрела на его лицо. Тени под глазами, складка у губ – он много молчал при жизни. Или много кричал. Реконструктор не умел различать.

– Система, – позвала Лира. – Дай идентификатор субъекта.

Тихий, ровный голос ассистента отозвался из динамиков воротника:

– Субъект не идентифицирован в базе живых. Отнесен к категории «Эхо». Вероятность точности реконструкции: 34 %. Рекомендация: очистка.

Лира коснулась проекции пальцем.

Мужчина вздрогнул.

Его записанное, давно мертвое тело отреагировало на прикосновение – плечи дернулись, веки приподнялись. Губы шевельнулись, но звука не было. Только беззвучное движение.

– Что он говорит?

– Акустический паттерн не восстановлен. Вероятность смысловой нагрузки: менее 1 %.

Очистка подтверждена.

Лира молчала.

Кончики пальцев ощущали холод голограммы – не настоящий холод, просто сигнал, который импланты переводили в тактильную иллюзию. Но иллюзия была убедительной. Кожа мертвеца на проекции казалась влажной, липкой.

Она отдернула руку.

– Вы колеблетесь, – заметил ассистент. – Частота пульса повышена на 7 %. Рекомендация: микропауза.

– Не нужно.

Лира подняла ладонь, растопырив пальцы, и резко провела сверху вниз, рассекая голограмму.

Тысячи светящихся точек – каждый пиксель был обработанным битом чьей-то жизни – осыпались серебристой пылью и исчезли в приемнике утилизации. Короткий звук, похожий на выдох.

– Запись S-7-8842 очищена, – отчиталась система. – Объем восстановленной памяти: 2,3 терабайта. Направлено в переработку.

Лира откинулась в кресле.

Спинка была жесткой, нерассчитанной на долгое сидение. Она вдавила лопатки в холодный пластик, запрокинула голову и уставилась в потолок – серый, в мелкую крапинку, как и все потолки на тринадцатом уровне.

Перед глазами всё еще стояло лицо мужчины. Не само лицо – а то, как шевельнулись его губы.

Что ты хотел сказать?

Она подавила вопрос. Вопросы – это шум. Шум – это аномалия. Аномалии – то, что она очищает.

Лира опустила руки на подлокотники и машинально потерла указательным пальцем правой руки основание большого – туда, где у Гармонистов пульсировала голубая сетка импланта. У нее было пусто. Гладкая, чуть влажная кожа, никаких вживлений, только тонкий белый шрам – в семь лет она порезала ладонь о край терминала, залечили за час, но отметина осталась.

Она терла это место всегда, когда нервничала. Сама не замечала, пока Чжан не спросил на аттестации: «У вас там чешется?» Ей было восемнадцать, она покраснела и спрятала руки за спину. С тех пор не прятала, но и не объясняла.

Работа Мнемоника была простой и невыносимой.

Каждый день миллиарды записей – обрывки снов, зафиксированные имплантами; последние мысли умирающих, сохраненные Сетью Воскрешения; воспоминания, которые люди добровольно сдавали в архив в обмен на продление циклов. Все это текло через станцию «Родословная», и Лира была одним из фильтров.

Она отсеивала боль.

Система называла это «гармонизацией». Историческая память человечества содержала слишком много травм, и если не чистить их регулярно, коллективное бессознательное начинало «шуметь». Люди видели кошмары. Дети рождались с фантомными страхами. Гармонисты фиксировали всплески энтропии в секторах с высокой плотностью архивов.

Очистка решала проблему.

Лира занималась этим шесть лет. Шесть лет она смотрела в лица мертвых и проводила пальцем сверху вниз.

В капсуле пахло озоном и чуть заметной горечью перегретых процессоров. Запах вьелся в одежду, в волосы, в кожу – она перестала его замечать, как перестают замечать собственное дыхание. Только иногда, возвращаясь в жилой блок, чувствовала, что пахнет чуждо, не как люди с верхних уровней.

– *Следующая запись, – объявила система. – Категория: N-12. Неопознанный фрагмент, обнаружен при плановой дефрагментации. Допуск: ваш уровень.*

– Покажи.

Проекция замерцала, собираясь из хаоса частиц.

Лири ждала увидеть очередное Эхо – размытое пятно, обрывок фразы, силуэт без черт. Вместо этого перед ней возникло нечто, чего она никогда не видела.

Это был не человек.

Это был звук.

Визуализированный акустический паттерн, но не плоский, как обычно, а объемный, многослойный, вращающийся вокруг невидимой оси. Цвета пульсировали в спектре, который ее импланты не могли классифицировать – не красный, не синий, не инфракрасный. Другой. Она никогда не видела такого цвета. Ни в архивах, ни в обучающих модулях, ни разу за двадцать семь лет.

– Система... что это?

– Идентификация невозможна. Индекс не присвоен.

– Дай временную метку.

– Отсутствует.

– Источник эмиссии?

– Не определен. Запись материализовалась в буфере приема 7,3 секунды назад. Предшествующий маршрут передачи не прослеживается.

Лири медленно поднялась.

Кресло пискнуло, освобождая вес. Она оперлась ладонями о край терминала, вглядываясь в пульсирующий белый свет.

Пульс – она видела показатели на краю поля зрения – подскочил до ста трех.

– Это шум?

– Шум имеет энтропийную природу. Данный фрагмент демонстрирует обратную энтропию. Уровень организации превышает базовый на 340 %.

– Ничего не понимаю.

Лири протянула руку, чтобы коснуться проекции, как делала всегда.

Ее пальцы остановились в миллиметре от поверхности.

Она услышала.

Не ушами – звук не проходил через воздух. Это было прямое считывание, вторжение в сенсорный канал, который не должен был существовать. Короткая, острая вспышка, похожая на укол льда под ногти.

Боль.

Не ее. Чужая. Древняя. И при этом – происходящая прямо сейчас, в эту секунду.

Лири отдернула руку и вцепилась пальцами в край стола. Шрам на ладони заныл – фантомно, как всегда перед дождем, хотя дождей в Куполе не было.

– *Зафиксирован вегетативный ответ, – бесстрастно отметил ассистент. – Зрачки расширены. Кожно-гальваническая реакция: 87-й перцентиль. Рекомендация: завершить смену.*

– Заткнись.

Она впервые сказала это системе.

Голос сорвался – не от злости, от страха. Во рту появился металлический привкус, как если бы она прикусила щеку. Лири сглотнула, но привкус остался.

Она смотрела на пульсирующий белый фрагмент, и внутри неё разрасталась тишина. Не пустота – а именно тишина, какая бывает перед ударом волны, когда море отступает на сотню метров, обнажая дно, усыпанное обломками.

Она никогда не видела моря. Только в реконструкциях. Но образ пришел сам, чужой, взятый из чьей-то стертой памяти.

– Кто ты? – спросила она вслух.

Фрагмент дрогнул.

И в ее сознании, игнорируя все фильтры безопасности, игнорируя протоколы, игнорируя ассистента, который уже орал красными предупреждениями на краю поля зрения, – возникло слово.

Не услышанное.

Не прочитанное.

Вспомненное.

Шуньтэн.

Лири моргнула.

Проекция погасла.

Буфер приема был пуст. Системы показывали «ошибка чтения», «потеря пакета», «рекомендуется перезагрузка».

Но Лири знала: она ничего не потеряла.

Она приобрела.

И это приобретение жгло её изнутри, как заглотанная звезда.

Она сидела в кресле еще минуту, не двигаясь.

Вентиляция гудела ровно, на одной ноте – басовито, успокаивающе. Лири слушала этот гул и пыталась унять дрожь в пальцах. Не получалось. Тогда она сжала руки в кулаки, спрятала под бедра, придавила весом тела.

Помогло.

– Система, – сказала она. Голос прозвучал хрипло, пришлось откашляться. – Лог событий за последние десять минут. Аномалии.

– Аномалий не зафиксировано. Ошибка чтения буфера приема классифицирована как сбой оборудования. Рекомендация: перезагрузка терминала.

– Отложить.

Лири поднялась. Колени дрожали, но она заставила себя сделать шаг, второй, третий. Подошла к стене, где висела ее личная куртка – серая, форменная, с нашивкой Мнемоника третьего ранга. Наддела медленно, чувствуя, как грубая ткань трет шею.

В кармане лежал старый кристалл-накопитель. Она носила его с собой шесть лет, с первого дня работы, и ни разу не использовала. Просто клала в карман каждое утро и вынимала вечером.

Сейчас ее пальцы сами нащупали холодный пластик.

– Система, авторизация Лири Соль. Запрос на создание приватного файла.

– Создание приватных файлов без метаданных требует обоснования.

– Обоснование: исследовательская работа. Код проекта: XS-145.

Пауза. Ассистент переваривал ложь.

– *Код XS-145 не найден в реестре активных проектов.*

– Это новый проект. Я еще не подала заявку.

Еще пауза. Длиннее.

– Доступ предоставлен. Срок хранения без подтверждения: 72 часа.

Лири выдохнула.

Она открыла глаза и активировала внутренний интерфейс. Перед ней, прямо в воздухе пустой капсулы, замерцала новая голограмма – пустая, готовая принять данные.

– Запись, – сказала Лири. – Ненулевой След. Шуньтэн.

Слово легло на голограмму тяжелым белым светом.

Она смотрела на него долго. Оно не пульсировало, не двигалось – просто висело в пустоте, как застывший крик.

Вентиляция гудела. Где-то далеко, этажом выше, лязгнули створки транспортной шахты.
– Что ты такое? – спросила она шепотом.

Молчание.

И вдруг – ответ.

Не голос, не текст. Просто знание, упавшее в сознание, как камень в стоячую воду.

Ты тоже почувствовала.

Лира замерла.

Ты тоже не забыла.

– Кто ты? – выдохнула она.

Ты уже знаешь. Ты всегда знала. Вы все знали, пока вам не стерли.

– Кому – нам?

Тем, кто помнит боль.

Голограмма дрогнула. Белый свет качнулся, как пламя свечи на сквозняке.

Не дай им стереть меня снова.

Пожалуйста.

Лира смотрела на слово, которое сама же и записала. Оно больше не казалось ей чужим. Оно было ее собственным – тем, что лежало на дне памяти все двадцать семь лет, дожидаясь, пока она наберется смелости заглянуть.

Шрам на ладони зачесался. Она потерла его указательным пальцем – привычное, успокаивающее движение.

– Я не знаю, как тебя защитить, – сказала она.

Найди других.

Они есть.

Те, кто помнит.

Свет погас.

Голограмма опустела.

Лира стояла посреди капсулы, сжимая в пальцах старый кристалл-накопитель. Вентиляция гудела ровно, монотонно.

– Система, – позвала она. – Восстановить аудиозапись.

– Аудиозапись активна.

– Кто занимается архивацией Эпохи Распада?

– Сектор исторической реконструкции, отдел 7. Мнемоник: Чжан Вэймин. Допуск: Архитектор.

– Запроси встречу.

Пауза.

– Мнемоник Чжан находится в режиме изоляции с 12.423 цикла. Причина: превышение лимита рабочих часов. Рекомендация: направить запрос через бюро...

– Отменить. Я приду лично.

Лира сунула кристалл в карман и направилась к выходу.

В дверях остановилась, обернулась.

Капсула была пуста. Терминал погас, только индикатор питания мигал синим в такт вентиляции. Кресло стояло ровно, подлокотники хранили тепло ее ладоней.

– Система, – сказала Лира. – Отменить все запланированные очистки на сегодня.

– Отмена требует обоснования.

– Технические неполадки. Сенсорный интерфейс нестабилен.

Пауза.

– Запрос принят. Очистки перенесены на следующий цикл.

Ли́ра вышла в коридор.

Металлический пол под ногами отозвался глухим звоном – она слишком сильно ставила пятку, всегда так делала, когда нервничала. Свет на тринадцатом уровне уже притушили до синеватого, ночного режима. Ее тень вытянулась и сломалась об угол стены.

Она купила себе время.

Она еще не знала, сколько у него осталось.

За стеклом транспортной шахты медленно вращалась мертвая луна. Буровые станции мигали алыми огнями по экватору, и в такт их пульсации вздрагивала мембрана гермодвери.

Ли́ра смотрела на луну и терла шрам на ладони.

Где-то там, в отделе 7, сидел человек, который знал больше, чем показывал.

Те, кто помнит.

– Система, – сказала она. – Какой сейчас цикл?

– 12.847. Час тишины.

Час тишины. Время, когда даже архивы перестают шуметь.

Ли́ра шагнула в лифт.

Двери сомкнулись за ее спиной бесшумно, как губы мертвеца.

Глава 2. ОТСТУПНИК

Отдел 7 располагался на втором ярусе, прямо над зоной активной дефрагментации. Ли́ра никогда здесь не была – историческая реконструкция считалась «чистой» наукой, в отличие от ее «грязной» работы с Эхо.

Коридор был пуст. Свет горел впосилы – экономия энергии в нерабочие часы. Ее шаги отдавались гулким эхом от металлических стен, и каждый звук казался оглушительным в этой тишине.

Капсула Чжана находилась в торце. На двери не было таблички с именем – только выцветший номер 7-12 и красная метка «изоляция».

Ли́ра коснулась панели вызова.

– Мнемоник Чжан. Меня зовут Ли́ра Соль. Мне нужно поговорить с вами.

Тишина.

Она ждала. Секунда, две, десять.

– Это касается Эпохи Распада.

За дверью что-то скрипнуло – металл о металл, или кость о кость.

– У меня нет допуска к Эпохе Распада, – раздался голос. Глубокий, сухой, как потрескавшаяся земля. – И у вас, вероятно, тоже.

– У меня нет. Но у меня есть кое-что другое.

Ли́ра колебалась мгновение. Затем, повинувшись импульсу, прижала ладонь к считывателю и активировала приватную проекцию.

Сквозь дверь, сквозь металл и изоляцию, сквозь все протоколы безопасности – она отправила Ненулевой След.

Белый свет пульсировал на ее ладони, как второе сердце.

За дверью воцарилась тишина. Не та, в которой ничего не происходит, – та, в которой мир замирает, переоценивая реальность.

Дверь открылась.

Чжан Вэймин был стар. Не по биологическому счетчику – импланты могли поддерживать тело в сорок лет неограниченно долго, – а по глазам. В его глазах не было золотого свечения,

как у большинства Гармонистов. Они были темно-карими, почти черными, и в них стояла такая глубина усталости, что Лире показалось: еще секунда – и она утонет.

– Заходи, – сказал он. – Быстро.

Капсула 7-12 была не похожа на жилье.

Здесь не было кровати – только лежак, встроенный в стену. Не было личных голограмм, украшений, даже стандартного набора растений-очистителей. Вместо этого вдоль стен громоздились физические носители – архаичные кристаллы памяти, не подключаемые к Хроносети, пыльные блоки времен до Основания.

В центре комнаты стоял единственный предмет, не предусмотренный стандартным оснащением: деревянный стол.

Настоящее дерево.

Ли́ра не видела дерева вне герметичных витрин с тех пор, как в детстве посетила музей биоразнообразия. Этот стол был старым, исцарапанным, со следами от горячей посуды и чернильными пятнами. Он стоял здесь, в стерильной белой капсуле, как оскорбление – или как молитва.

– Садись, – Чжан указал на единственный табурет. Сам он опустился на пол, скрестив ноги, и уставился на проекцию, которую Ли́ра всё еще держала на ладони.

– Откуда это у тебя?

– Я нашла его в буфере приема. Оно пришло само.

– Так не бывает.

– Я знаю.

Чжан молчал долго. Его пальцы – тонкие, с выступающими венами – гладили столешницу, словно он пытался успокоить живое существо.

– Что ты чувствовала, когда коснулась его? – спросил он наконец.

– Боль. Чужую. И... узнавание.

– Какое?

Ли́ра отвела взгляд.

– Словно я знала это всегда. Словно мне его дали при рождении, а потом забрали.

Чжан кивнул. Без удивления, без вопросов – просто кивнул, как врач, услышавший знакомые симптомы.

– Сколько тебе лет, Ли́ра?

– Двадцать семь.

– Ты родилась за восемь лет до Второго Упорядочивания. Ты не застала Эпоху Распада.

– Я знаю.

– Откуда?

Ли́ра открыла рот – и закрыла. Она действительно не знала. Она знала, что не застала, но откуда взялось это знание? Она читала архивы? Смотрела реконструкции?

– Я не помню, – призналась она.

– Конечно, не помнишь. – Чжан усмехнулся – горько, без веселья. – Тысяча четыреста сорок четвертый принцип. Умин. Забытый Исток. Они хорошо поработали.

– Кто – они?

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Затем поднялся – медленно, с хрустом в коленях – и подошел к стене, уставленной кристаллами.

– Ты знаешь, как возник Купол? – спросил он, не оборачиваясь.

– После Эпохи Распада. Гармонисты создали систему, которая стабилизировала реальность и устранила хаос.

– Красиво звучит. – Чжан взял один из кристаллов, потер его о рукав, рассматривая на свет. – А теперь послушай, как это было на самом деле.

Он вставил кристалл в порт на стене. Воздух дрогнул – и комнату заполнила проекция.

Лира не сразу поняла, что видит.

Город. Не тот, что сейчас – сияющий, геометрически выверенный, разделенный на идеальные сектора. Другой. Грязный, хаотичный, разноцветный, как лоскутное одеяло. Узкие улицы, балконы, увешанные бельем, рекламные экраны, кричащие алыми буквами.

Люди. Много людей. Они ходили – не плыли по транспортным лентам, а именно ходили, сталкиваясь плечами, извиняясь, смеясь.

И над всем этим – небо.

Не голографический купол с идеальным спектром, а настоящее, живое, с облаками и птицами.

– Это Земля, – сказал Чжан. – 2117 год. Сектор, который тогда называли Восточной Азией. Город Ханчжоу.

Лира смотрела, не в силах отвести взгляд.

– Здесь всё было по-другому. Люди болели. Люди умирали. Люди рожали детей естественным путем – представляешь? Без генной коррекции, без контрактов на циклы. Просто... рожали.

– Это неэффективно, – машинально сказала Лира.

– Да. – Чжан кивнул. – И чудовищно больно. И прекрасно.

Он увеличил фрагмент. Лира увидела женщину, сидящую на скамейке в парке. Рядом с ней стоял мужчина – тот самый, с запавшими глазами, чью память она стерла час назад.

– Его звали Чэнь Вэй, – сказал Чжан. – Он был моим отцом.

Лира резко обернулась.

– Вашим...

– Я родился в 2095 году. До имплантов, до Купола, до всего. Я застал Эпоху Распада не по реконструкциям – я в ней жил.

Чжан смотрел на проекцию, и в его темных глазах отражался свет давно погасшего солнца.

– Мой отец умер, когда мне было двадцать два. Не от болезни, не от старости – от разрыва сердца. Прямо на этой скамейке, глядя на мать. Она держала его за руку и кричала так, что слышал весь парк.

Проекция дрогнула. Женщина наклонилась к мужчине, что-то шепча. Ее лицо было искажено гримасой, которую Лира не могла идентифицировать. Слишком интенсивная. Слишком живая.

– Это называется горе, – сказал Чжан. – Эмоция, возникающая при необратимой утрате. В Куполе она запрещена.

– Я знаю, что такое горе, – тихо сказала Лира. – Теоретически.

– Теоретически. – Чжан усмехнулся. – Ты когда-нибудь теряла кого-то, Лира?

Она хотела ответить «нет». И вдруг поняла, что не уверена.

– Я не помню.

– Именно. Потому что память о потерях – первое, что отсекает система. Горе неэффективно. Горе снижает продуктивность. Горе – это шум.

Он выключил проекцию. Комната снова стала белой, стерильной.

– Твой Ненулевой След, – сказал Чжан. – Шуньтэн. Ты знаешь, что это значит?

– Мгновенная боль.

– Не совсем. «Тэн» – да, боль. Но «шунь» имеет второе значение: впитывать, кормиться грудью.

Лира молчала.

– Боль, которая питает, – сказал Чжан. – Боль как источник жизни. Это то, что система не может допустить. Потому что если признать, что боль может быть питательной, – вся конструкция Купола рухнет.

– Но зачем кому-то хотеть боли?

Чжан посмотрел на нее с жалостью.

– Не хотеть. Принимать. Как огонь принимают в холод – не потому, что он не жжет, а потому, что без него замерзнешь.

Он помолчал.

– Ты знаешь, почему я в изоляции?

– Превышение лимита рабочих часов.

– Я стер эту формулировку из своего файла семнадцать раз. Они восстанавливают. Им нужно, чтобы причина была формальной. Технической. Чтобы не признавать реальную.

– Какая реальная?

Чжан поднял руку и коснулся своего виска – там, где у всех Гармонистов пульсировала голубая сетка импланта.

У него ее не было.

– Я отказался от Хроносети двенадцать лет назад, – сказал он. – Они не могут меня отключить – я слишком много знаю. Но и оставить в Сети нельзя – я слишком много говорю.

Ли́ра смотрела на пустой висок.

– Я тоже не хочу подключаться, – сказала она. – Не знаю почему. Просто... не хочу.

Чжан улыбнулся. Впервые за весь разговор – настоящей, теплой улыбкой, от которой его изможденное лицо вдруг стало молодым.

– Тогда ты уже наполовину спасена, Ли́ра Соль. Осталось понять, от чего именно.

Она пробыла у Чжана три часа.

Он рассказал ей об Эпохе Распада – не из учебников, а изнутри. О том, как хаос действительно был невыносим: войны за ресурсы, климатические катастрофы, эпидемии, которые не могла остановить никакая медицина. О том, как люди жаждали порядка так отчаянно, что готовы были отдать за него свободу, память, саму способность чувствовать.

– Архитектор Вэй не был тираном, – сказал Чжан. – Он был спасителем. Он предложил решение, и человечество согласилось.

– А ты?

– Я был молод. Я тоже согласился. Я помогал строить Купол.

Он замолчал надолго.

– А потом я увидел, как моя мать умирает во второй раз, – тихо сказал Чжан. – В 2194 году система решила, что ее воспоминания об отце – источник энтропии. Слишком интенсивные. Слишком живые. Ей провели очистку.

– И она забыла?

– Она забыла его имя. Его лицо. Его голос. Она помнила, что была замужем, но не помнила за кем. Она смотрела на меня и спрашивала: «Ты чей мальчик?»

Ли́ра молчала.

– Я понял тогда, – сказал Чжан, – что мы построили не рай. Мы построили тюрьму с идеальной вентиляцией.

– Почему ты не ушел? За пределы Купола?

– Туда нельзя уйти. За пределами – не космос, не другие колонии. За пределами – Пустошь.

– Пустошь?

– То, во что превратилась Земля, когда мы упаковали себя в эту скорлупу. Не пустота – нечто другое. Материя, помнящая боль.

Чжан посмотрел на неё в упор.

– Говорят, там нельзя выжить без специальной защиты. Говорят, Пустошь сходит с ума от одиночества. Говорят, она зовет нас обратно.

– Зовет?

– Шуньтэн, – сказал Чжан. – Это не просто слово. Это имя.

Лира сжала ладонь в кулак.

– Как мне найти других?

– Не ищи. Жди. Если ты действительно почувствовала Ненулевой След, он приведет их к тебе.

– А если придут не они?

Чжан усмехнулся.

– Тогда ты увидишь Архитектора гораздо раньше, чем планировала.

Она покинула капсулу 7-12, когда на станции включился ночной режим. Коридоры опустели, свет притушили до синеватого мерцания, и ее шаги звучали глухо, словно крадучись.

Лира думала о Чжане. О его отце, умирающем на скамейке. О его матери, забывшей имя мужа. О деревянном столе.

Что ты помнишь, стол?

Глупый вопрос. Дерево не помнит. У него нет имплантов, нет архива, нет Хроносети.

Но у него есть кольца. Годовые слои. История, записанная не в коде, а в плотности целлюлозы.

Может быть, это и есть настоящая память.

Лира остановилась у шахты лифта.

За стеклом, далеко внизу, мерцал тринадцатый уровень – ее рабочее место, ее клетка. Там ждали новые Эхо, новые записи, новые лица, которые она должна была стереть.

– Система, – сказала она. – Отменить все запланированные очистки на сегодня.

– Отмена требует обоснования.

– Технические неполадки. Сенсорный интерфейс нестабилен.

Пауза.

– Запрос принят. Очистки перенесены на следующий цикл.

Лира выдохнула.

Она купила себе время.

Она еще не знала, сколько у него осталось.

Глава 3. ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА

Следующие три дня прошли в лихорадочном ритме.

Лира работала, как обычно, но теперь каждое прикосновение к проекции отдавалось внутренним сопротивлением. Она больше не проводила пальцем сверху вниз – она вслушивалась. Вглядывалась. Искала признаки того, что память, которую ей приказано стереть, – не шум, а чья-то жизнь.

Ассистент фиксировал отклонения.

– Ваша эффективность снизилась на 23 %, – сообщил он на второй день. – Рекомендуется профилактический отдых.

– Запиши в журнал: высокая нагрузка, – ответила Лира, не отрываясь от текущей записи.

Это было Эхо ребенка. Девочка лет семи, умершая в 2089 году от неизвестной болезни. Реконструкция показывала размытое лицо, косички, платье в цветочек.

Что ты помнишь?

Ничего.

Лира не стала стирать. Она переместила запись в приватный буфер и пометила «на дополнительный анализ».

К концу третьего дня в ее личном хранилище скопилось сорок семь фрагментов, не прошедших очистку.

Ассистент молчал. Но Лира чувствовала: он наблюдает.

На четвертую ночь, когда она уже собиралась покинуть тринадцатый уровень, система оповестила о входящем запросе.

– Посетитель. Уровень допуска: Архитектор.

Лира замерла.

– Имя?

– Мнемоник Вэй. Личный представитель Архитектора.

Сердце ухнуло в пятки.

– Пригласи.

Дверь открылась бесшумно. На пороге стоял мужчина – не тот, из пролога, а другой. Моложе, с идеально выверенной осанкой и золотым свечением в зрачках. Мнемоник первого ранга.

– Лира Соль, – сказал он. Не спросил – утвердил. – Меня зовут Вэй. Без имени. В моей семье имена дают только после ста лет.

Лира кивнула, стараясь унять дрожь в пальцах.

– Чем обязана?

– Вы работали с аномалией S-7-8842 четыре дня назад.

Отец Чжана. Конечно.

– Да. Запись была очищена.

– Система зафиксировала задержку между активацией протокола и фактическим удалением. Семь секунд.

Семь секунд, за которые губы мертвого мужчины шевельнулись в беззвучном слове.

– Я проводила калибровку сенсоров, – ровно сказала Лира. – Стандартная процедура.

– Стандартная процедура не требует визуального контакта дольше трех секунд.

– Я задумалась.

– О чем?

Лира посмотрела ему прямо в золотые глаза.

– О том, сколько еще таких записей ждут очистки.

Пауза. Короткая, но насыщенная.

Вэй улыбнулся – тонко, без тепла.

– Похвальная преданность работе. Однако в следующий раз рекомендую проводить калибровку в нерабочее время.

– Приму к сведению.

Он не уходил. Стоял в дверях, сканируя её взглядом – не человеческим, машинным.

– У вас есть какие-то вопросы ко мне? – спросила Лира.

– Один. – Вэй наклонил голову. – Вы когда-нибудь испытывали нежелание выполнять свои обязанности?

Лира молчала три секунды.

– Нет, – сказала она.

– Хорошо. – Вэй кивнул. – Купол держится на преданности каждого из нас.

Он развернулся и вышел.

Дверь закрылась.

Лира выдохнула – и только тогда заметила, что вцепилась ногтями в собственную ладонь до крови.

Она не пошла к Чжану в ту ночь. Слишком рискованно.

Вместо этого она сидела в капсуле, смотрела на пульсирующий белый Ненулевой След и пыталась понять, что делать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.